

За плечами заслуженного артиста республики, члена Союза писателей БССР Евгения Степановича Романовича большая и интересная жизнь. Он был хорошо знаком с Я. Купалой и Я. Коласом, К. Чорным и З. Бядулей, М. Чаротом и Е. Миновичем, другими известными писателями, деятелями искусства. О встречах и дружбе с этими людьми, о становлении белорусской социалистической литературы и культуры — книга Е. Романовича «Знакомые силуэты».

Предлагаем читателям отрывок из этой книги, посвященный народному артисту БССР, драматургу Евстигнею Миновичу.

Евгений РОМАНОВИЧ

Спектакль В ДЕРЕВНЕ

МИРОВИЧ работал в коллективе БГТ-1 в те времена, когда в Белоруссии не было ни соответствующих экономических условий, ни хорошо подготовленных актеров. Освобожденный от белорусской оккупации Минск переживал невероятные трудности, лишения, голод, холод. Зрители сидели в холодном зале, одетые в пальто и валенки. Особенно тяжело было актерам на холодной сцене. Грелись за кулисами около примусов. Но играли... У зрителя и актеров был очень силен подъем и заряд радости от освобождения и окончания гражданской войны.

Примечательной особенностью Миновича был его конструктивный, изобретательный ум. Минович не терпелся ни в каких самых трудных обстоятельствах, всегда находил выход там, где другой режиссер только руками разводил: мол, как же здесь играть?.. Откуда возьмется вдохновение в таких условиях?.. И актеры, чувствуя неисчерпаемый оптимизм своего руководителя, его творческий порыв, делали невозможное, выступали в промерзших клубах, в тесных цехах заводов, на железнодорожных платформах перед рабочими или бойцами — красноармейцами.

Минович договаривался с художником Оскаром Мариксом, с которым дружил, легко находил общий творческий язык, и они приспособляли разные площадки для спектаклей.

Мне особенно запомнилась наша поездка в деревню — в совхозы «Апчак» и «Горки» под Минском. Была чудесная голубовато-лиловая осень с янтарными облаками и звонким сол-

нечным воздухом. Багряные леса сияли серебристыми нитями сказочного бабьего лета. Мы ехали по предложению председателя Центробелсоюза Язепа Леонтьевича Дыло, с которым дружил Минович и который чем мог помогал театру.

— Поезжайте на дожинки, — говорил нам Дыло. — Там вас хорошо угостят. В городе на пайке не разживешься, а там крестьянский праздник, конец уборки урожая — значит, есть чем принять. Вы им — свое искусство, которое крестьяне очень любят, но не часто видят, а они вам — угощение. Есть из чего, урожай собран неплохой.

Мы ехали охотно, везли два спектакля: комедию Дунина-Марцинкевича «Пинская шляхта» и одноактовую Л. Радзевича «Растерянный Савка» в постановке Миновича.

Приехали в Апчак. Минович со своим помощником Гришей Злотниковым ушли искать площадку, на которой можно было бы выступать. Ничего подходящего, кроме большого сарая, не нашли.

— Как же мы здесь будем

играть? Где актеры оденутся? — спрашивает растерянно помощник режиссера.

— Вот здесь, в сарае, — уверенно говорит Минович.

— Здесь же темно, да и сцены нет...

— А мы сейчас ее сделаем, — немного задумался Минович. — Товарищ председатель, — обратился он к высокому, сильному мужчине, сопровождавшему нас. — У вас там около сарая доски я заметил.

— Есть доски. Будем коровник строить.

— Давайте их сюда, под-

мостики сделаем. Доски не пропадут, — весело потирая руки, говорил Минович. — За подмостками повесим занавес, он нам перед сценой не нужен. Меерхольд играет на голом месте, а чем мы хуже? За занавесом будут кулисы, оттуда и все выходы на открытую сцену.

— Сейчас все сделаем, — обрадовался председатель, который огорчился было. Приехал, видишь ли, государственный театр, а выступать негде!

В сарай набилось зрителей, как картошки в мешок. Мальчишкам разрешили влезть на соломенную крышу. Оттуда они смотрели, сделав дырки в соломе. Один из мальчишек так увлекся комедией, так хохотал, что упал вниз, на руки подхвативших его крестьян. Веселого гама от этого неожиданного трюка было не меньше, чем от комических фортели растерянного Савки.

Плотно поужинав после спектакля, мы хорошо выспались на душистом сене, а на другой день утром ушли в поле, где началась церемония дожинок. Председателю вручили большой, увитый цветными лентами

сноп ржи. Девушки пели песни и водили хороводы.

— Наблюдайте, наблюдайте, — подталкивал Минович Терявского, — нам это пригодится в постановках.

— Да я и так знаю, — отмахнулся Владимир Васильевич.

Под вечер мы пришли с дожинок в «Горки». Там уже стояли в саду накрытые скатертями длинные столы. На них поставлены горки блинов и маечки в мисках, горшки с картошкой и красным украинским борщом со сметаной и мясом, котрого давно мы не ели.

— А зрители, — спокойно отвечает Минович, — усядутся вот здесь, на этом пригорке. Всем будет хорошо видно и слышно.

— Пусть так, а где мы посадим суфлера? — не сдавался помощник режиссера.

— А суфлер сядет перед зрителями. У Лидии Саввишны я заметил с собой зонт, пусть им прикроется и подаст текст, когда будет какая заминка. Но я думаю, что все пойдет гладко, в случае чего актеры сымпровизируют.

Все получилось — лучше не надо. Зрители реагировали на спектакль, как и в городском театре, только более горячо, потому что...

— Гелька! Гелька! Посмотри, как твой гусак играет, настоящий артист! — заходясь от смеха, кричала толстая птичница своей соседке.

...До самого утра горели большие костры. Огонь от сухих смолистых поленьев рвался вверх. Через жаркие языки пламени прыгали, водили хороводы вокруг костров. На полянке, сбиваясь с ритма, под наш цимбальный ансамбль и деревенские гармошки весело танцевали кадрили. Я никогда в жизни еще не видел такой красоты.

Как молодой, танцевал и Минович, видно, от большой радости, что все хорошо получилось, и хозяева — деревенские люди — остались довольны. Когда мы возвращались в Минск, актеры никак не могли успокоиться от всего увиденного и пережитого. Особенно трогало гостеприимство крестьян, их искренние чувства к нам.

Когда Миновичу, первому из режиссеров в республике, дали звание заслуженного артиста (редкое в то время), зрители устроили ему свацию. Когда же чествовали его в связи с присвоением звания народного артиста БССР, то со всей республики, из Москвы, Киева, Ленинграда съехались гости. Все считали, что более достойного определения его заслуг в то время еще не было, ибо человек посвятил всего себя белорусскому искусству, поднял его на должную высоту.

С народом, для народа — вот смысл его ярко прожитой жизни.

— А где будут зрители?